

12+

Видья Ананта

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА
ВРИНДАВАНА.
КРИШНА —
ПОБЕДИТЕЛЬ ТЬМЫ

Ананта Видья

**Волшебная флейта Вриндавана.
Кришна — победитель тьмы**

«Издательские решения»

Видья А.

Волшебная флейта Вриндавана. Кришна — победитель тьмы /
А. Видья — «Издательские решения»,

Город Матхура, жемчужина земли Ядавов, утопал в роскоши и благоухании. Мраморные дворцы её вздымались к небесам, словно сами боги вознамерились состязаться с людьми в искусстве созидания. На широких площадях играла музыка, улицы были полны купцами, певцами и танцовщицами, а золотые купола храмов слепили глаза ярче полуденного солнца. Казалось, сама богиня процветания, Лакшми, поселилась в этих стенах навечно. Но только не в сердце царя.

© Видья А.

© Издательские решения

Волшебная флейта Вриндавана. Кришна — победитель тьмы

Ананта Видья

© Ананта Видья, 2026

ISBN 978-5-0071-0494-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волшебная флейта Вриндавана. Кришна — победитель тьмы
Рождение и чудесное спасение.

Пророчество и темница

Город Матхура, жемчужина земли Ядавов, утопал в роскоши и благоухании. Мраморные дворцы её вздымались к небесам, словно сами боги вознамерились состязаться с людьми в искусстве созидания. На широких площадях играла музыка, улицы были полны купцами, певцами и танцовщицами, а золотые купола храмов слепили глаза ярче полуденного солнца. Казалось, сама богиня процветания, Лакшми, поселилась в этих стенах навечно. Но только не в сердце царя.

Царь Канса, могучий и непобедимый воин, властитель Матхуры, был тем тёмным облаком, что заслоняло солнце даже в самый ясный день. Он был жесток, горд и боялся лишь одного — потерять власть. Его трон был вырезан из цельного чёрного камня, а спинка его была украшена львиными головами, которые, казалось, скалились на каждого, кто осмеливался приблизиться. Канса правил железной рукой, и его имя заставляло трепетать даже храбрейших из храбрых.

Однажды, в час, когда небо окрасилось в багрянец заката, подобный цвету запёкшейся крови, Канса стоял на балконе своего дворца, глядя на город, который он считал своей игрушкой. Вдруг воздух вокруг него загустел, сделался вязким, словно мёд, и прямо из пустоты перед ним начал проявляться силуэт. Это был мудрец, аскет, чьё тело было иссохшим от долгих лет покаяния, а глаза горели неземным огнём. Он не вошёл через двери, не прошёл через стражу — он просто возник, ибо зов высших сил не ведает преград.

— Канса, сын Уграсены, — голос мудреца звенел, как натянутая тетива. — Я пришёл с вестью, что перевернёт твою жизнь, ибо небеса устали от твоей гордыни.

Царь, привыкший, чтобы ему кланялись, лишь усмехнулся, но в глубине его зрачков мелькнула искра страха.

— Говори, старик, пока я не приказал сбросить тебя в ров со змеями. Что может испугать меня, повелителя трёх миров?

Мудрец поднял иссохшую руку, и в ней появился свиток, покрытый письменами, которые мерцали и переливались.

— Сегодня ночью я читал знамения по звёздам. Я возжигал священный огонь и шептал древние мантры. И голос, который звучит в самом сердце Вселенной, открыл мне страшную тайну. Ты, Канса, будешь уничтожен. Твоя смерть придёт к тебе не от вражеской стрелы и не от яда в кубке.

Канса сжал подлокотники трона так, что побелели костяшки пальцев.

— Кто же этот смельчак? Назови его имя, и я прикажу растереть его в пыль, ещё до того, как он научится держать меч!

— Его имя будет Кришна, — прошелестел мудрец. — И он будет не просто воином. Он станет божественным воплощением, восьмым сыном твоей родной сестры, прекрасной Деваки. Он придёт в этот мир, чтобы восстановить справедливость и сокрушить тиранов. Готовься, ибо время твоё сочтено.

С этими словами мудрец растаял в воздухе, оставив после себя лишь запах сандала и горького пепла. В ту же секунду гнев Кансы не знал границ. Его глаза налились кровью, он сорвал с пояса тяжёлый меч и рассёк им мраморную колонну, словно она была сделана из масла.

— Сестру? — проревел он, и голос его сотряс стены. — Восьмого сына? Никто не посмеет бросить вызов Кансе! Никто!

Он созвал своих стражников, самых безжалостных и преданных псов, и приказал им немедленно привести во дворец Деваки и её мужа, Васудеву. Те не успели даже понять, что происходит, как их грубо схватили и волокли по мраморным полам в тронный зал.

Деваки, прекрасная царевна с глазами цвета тёмного океана, упала на колени перед братом.

— Что случилось, повелитель? Чем мы прогневали тебя?

Канса навис над ней, словно скала, готовая обрушиться вниз.

— Пророчество! — закричал он, брызгая слюной. — Твой проклятый сын, которому ещё суждено родиться, убьёт меня! Но я перехитрю судьбу! Я брошу вас в самую глубокую, самую тёмную темницу, где не видно ни луны, ни звёзд. И каждый раз, когда ты будешь рожать, я буду убивать дитя, будь то мальчик или девочка! Я перережу горло любому младенцу, который появится из твоего чрева!

Васудева, благородный муж и храбрый воин, попытался встать между женой и разъярённым царём.

— Опомнись, Канса! Она же твоя сестра! Как ты можешь поднять руку на невинных детей, на кровь своей собственной семьи?!

— Молчи! — Канса ударом кулака сбил Васудеву с ног. — Никакой семьи нет. Есть только я и моя власть. Стража! В темницу! И запомните: если хоть один ребёнок выживет, я сдеру с вас шкуру живьём!

Темница, куда бросили Деваки и Васудеву, была вырублена глубоко в скале. Сырые стены сочились водой, пахло плесенью и тленом. Единственным светом был масляный факел, который чадил и плевался копотью. Железные двери были толщиной в руку, а замки такими тяжёлыми, что их могли открыть только десять здоровых мужчин. Так начались годы страданий.

И Канса сдержал своё слово. Когда Деваки родила своего первого сына, палач уже стоял у дверей. В ту же ночь новорождённый был убит. Деваки рыдала, рвала на себе волосы, её сердце разрывалось на части, но мольбы не трогали Кансу. Он приходил в темницу каждый раз, когда до него доносился крик роженицы, и уходил только тогда, когда слышал последний вздох младенца.

Второй сын. Третий. Четвёртый. Пятый. Шестой. Седьмой... Все они уходили в мир иной, едва успев открыть глаза. С каждым разом надежда угасала в душе Деваки. Она перестала улыбаться, перестала молиться. Она только сидела в углу каменного мешка, укачивая пустоту в руках, и смотрела в одну точку. Васудева, видя страдания жены, ночей не спал, пытаясь найти способ спасти следующего ребёнка, но каменные стены и железные цепи были сильнее человеческой воли.

Темница стала их домом, их миром, их адом. Они слышали, как за стенами город живёт своей жизнью: доносился звон колоколов, смех на свадьбах, плач на похоронах. А здесь, внизу, царил лишь запах смерти. Канса торжествовал. Пророчество, думал он, не сбудется. Он убил семерых. Восьмой никогда не родится, потому что он прикажет убить Деваки прямо перед родами, если понадобится. Или отравит её. Или... он придумает что-то ещё более ужасное.

Но судьба, как глубокая река, всегда находит свой путь, даже если ей преграждают путь горы. Седьмой сын умер, и Деваки, казалось, потеряла рассудок. Она шептала:

— За что, боги? За что вы караете меня, если я невиновна? Почему вы позволяете этому демону в человеческом облике совершать такие зверства?

Васудева обнимал её, пытаясь согреть теплом своего тела, но оно не проникало в оледенелую душу Деваки.

— Не отчаивайся, — шептал он, хотя сам почти потерял веру. — Боги слышат нас. Они не могут допустить, чтобы зло торжествовало вечно. Где-то там, в вышине, уже готовится чудо. Я чувствую это.

Деваки подняла на него заплаканные глаза.

— Чудо? После всего, что мы пережили? Я больше не верю в чудеса, Васудева. Я верю только в боль.

Она отвернулась к стене, и долгая, тёмная ночь поглотила их обоих. Казалось, сама вселенная затаила дыхание, ожидая того момента, который перевернёт историю. Звёзды на небе выстроились в странный узор, какого никто никогда не видел. Мудрецы в своих обителях вздрагивали во сне, ибо по земле пробегала дрожь — дрожь грядущей перемены.

Ночь великого чуда

И настала та ночь, которую помнили небеса и земля. Ночь, когда время остановилось. Ночь, когда тьма сгустилась до предела, чтобы родился Свет.

В глубокой темнице Матхуры ветер, казалось, проникал сквозь каменные стены. Факел на стене затрепетал, и его пламя вдруг изменило цвет: из жёлтого оно стало синим, а затем белоснежным. Деваки лежала на соломе, и её лицо, измученное многолетними страданиями, вдруг озарилось внутренним покоем. Она не чувствовала страха. Она чувствовала, как внутри

неё зарождается нечто невероятно могучее, нечто, что не могли убить ни цепи, ни ненависть Кансы.

— Васудева, — прошептала она. — Время пришло.

Васудева поднялся. Его руки дрожали. Он смотрел на жену и понимал: это мгновение, ради которого они выжили в этом аду.

И тогда, в полночь, когда весь город спал, а луна закрыла лицо облаками, Деваки родила мальчика. Но это было не просто рождение. Это было сошествие божества. В тот миг, когда младенец коснулся воздуха темницы, вся темница озарилась ярчайшим светом, который проникал сквозь стены, проникал сквозь землю, проникал в самое сердце Вселенной.

Семь пещер, где умирали дети, вдруг зацвели. Из трещин в камне начали расти лилии и лотосы, наполняя темницу ароматом, которого не знали даже лучшие парфюмеры Матхуры. Воды в сосудах превратились в молоко и мёд.

Деваки, обессиленная, но счастливая, взяла сына на руки. Он был черен, как грозовое облако, но прекрасен, как сама ночь. Его глаза, широко открытые, смотрели на мир с мудростью, которой нет у стариков. На его крошечном тельце сияли следы божественных знаков: знак Шриватса на груди, отпечаток лотоса на стопах. Это был сам Господь, явившийся в мир.

— Васудева, — раздался голос. Он исходил из самого сердца младенца, но одновременно гремел над всей Вселенной. — Посмотри на меня. Я — твой сын, но я же — и Творец всех миров. Сейчас нет времени для объятий. Ты должен отнести меня в Гокулу, в дом пастуха Нанды. Там я найду приют. Там я буду расти, чтобы встретить свою судьбу.

Васудева остолбенел. Он слышал голоса богов раньше, но чтобы голос исходил из уст только что родившегося младенца... Это было за гранью понимания. Он опустился на колени и коснулся лбом холодного каменного пола.

— Господи, как я выйду из этой темницы? Двери заперты, цепи тяжёлы, а стражники Кансы не дремлют. Я всего лишь человек.

— Смотри, — ответил младенец, и слабая улыбка тронула его пухлые губы.

Васудева поднял глаза. И увидел чудо. Тяжелые железные цепи, сковывающие его руки и ноги в течение долгих лет, вдруг засветились раскалённым золотом и... рассыпались в прах. Оковы на ногах Деваки также пали.

С грохотом, от которого содрогнулись стены, распахнулись толстенные двери темницы. Они открылись сами, без чьей-либо помощи. Но в коридоре их встретила стража. Васудева приготовился к бою, однако взглянув на часовых, замер от изумления. Они спали. Все до единого. Кто-то сидел, прислонившись к стене и пуская слюну в дремоте, кто-то лежал на полу, раскинув руки, словно мёртвый. Это был сон небывалый, глубокий, подобный коме. Ничто не могло разбудить их, пока длилась эта священная ночь.

— Спешу, — прошептал голос младенца. — Времени мало.

Васудева взял корзину, устланную мягкой тканью, и бережно положил в неё божественного новорождённого. Затем он оглянулся на Деваки. Она протянула руку, коснулась лба сына, благословляя его.

— Иди, мой муж, — сказала она сквозь слёзы радости и боли. — Спаси его. Я останусь здесь. Если меня убьют, я умру счастливой, зная, что он жив.

— Я вернусь за тобой, — пообещал Васудева. — Клянусь!

Он выбежал из темницы. Дворцовые коридоры были пусты. Все слуги спали, утомлённые странным мороком. Даже собаки не лаяли, даже ночные птицы замерли на ветках. Васудева бежал, прижимая корзину к груди, чувствуя, как тепло младенца разливается по его телу, даруя ему силы.

Но впереди его ждала преграда. Река Джамна, широкая и грозная, вышла из берегов от ночного ливня. Её воды бурлили, пенились, вздымались, словно стая бешеных зверей. Моста не было. Лодки не было. Только вода и тьма.

— Как мы переправимся, о Господь? — воскликнул Васудева, глядя на бушующий поток.

Младенец поднял свою крошечную ножку к небу, и в тот же миг с небес спустился змей Шеша. Это был не простой змей. Это был тысячеглавый Ананта-Шеша, повелитель всех змеев, символизирующий бесконечность времени. Он сложил свои капюшоны перед ногами Васудевы, создавая живой мост.

Васудева ступил на головы змея, и — о, чудо! — воды Джамны расступились перед ним. Глубинная пучина обнажила своё дно, позволяя ему пройти, словно по сухому пути. Рыбы и водные демоны, которые обитали в реке, в ужасе разбежались от сияния, исходящего из корзины. Дождь, который лил стеной, вдруг прекратился, и на небе зажглась самая яркая звезда, освещающая путь.

Васудева пересёк реку. Едва он ступил на противоположный берег, как воды сомкнулись снова, скрывая дно. Мгновение — и змей Шеша исчез, растворившись в небесах.

Земля Гокула встретила его нежным запахом сена, парного молока и цветущих деревьев. Здесь жили пастухи — простые, добрые люди, которые не знали роскоши дворцов, но знали счастье свободной жизни. Васудева знал, что здесь, в доме Нанды, главы пастушеской общины, только что родилась девочка. Жена Нанды, прекрасная Яшода, разрешилась от бремени.

Васудева бесшумно вошёл в хижину. Всё здесь было простым и уютным. Яшода спала глубоким сном, утомлённая родами. Рядом с ней в колыбели лежала новорождённая девочка, спелёнатая в чистое полотно. Она была прекрасна, но в ней не чувствовалось той божественной силы, что исходила от Кришны.

Сердце Васудевы сжалось от жалости. Ему предстояло совершить самый трудный поступок в своей жизни: забрать эту девочку и оставить вместо неё своего сына. Он знал, что Канса убьёт эту малышку, приняв её за восьмого ребёнка Деваки. Но другого выхода не было. Голос свыше приказал ему сделать это, и он не смел ослушаться.

Он переложил Кришну в колыбель Яшоды. Младенец открыл глаза, посмотрел на Яшоду и, казалось, улыбнулся, принимая её как свою новую мать. Затем Васудева взял на руки маленькую дочку Нанды — ту, которой суждено было стать жертвой во имя спасения мира.

— Прости меня, маленькая, — прошептал он. — Ты жертва великого замысла. Ты будешь жить в наших сердцах вечно.

Он покинул Гокулу так же тихо, как и прибыл. Его путь обратно был быстрым: река снова расступилась, стража всё ещё спала, и он успел вернуться в темницу до того, как крик петуха возвестил о наступлении утра. Он положил девочку в объятия Деваки. Она проснулась, взглянула на малышку, и слёзы покатались из её глаз.

— Не плачь, — сказал Васудева. — Это цена нашего спасения.

Заря окрасила небо в розовый цвет. И в этот момент двери темницы с грохотом распахнулись. На пороге стоял Канса. Его глаза горели безумным огнём. Он услышал о странном сне, который одолел стражу, и о чудесах, которые творились в городе.

— Где он? — заорал он. — Где восьмой ребёнок?! Где тот, кто должен меня убить?

Деваки, стараясь не выдавать страха, протянула ему свёрток.

— Вот он, брат. Вот твоя погибель. Смотри на неё, радуйся.

Канса выхватил ребёнка у неё из рук. В его глазах не было ни тени сомнения. Он поднял младенца высоко над головой, собираясь разбить его о каменный пол. У него не было жалости. В нём была лишь ярость и желание уничтожить угрозу.

Он швырнул девочку вниз.

Но в тот миг, когда тело должно было коснуться камня, произошло нечто, что заставило даже видавшего виды Кансу отшатнуться. Девочка не упала. Она повисла в воздухе, озарённая ослепительным светом. Она начала расти, превращаться из крошечного существа в грозную богиню.

Это была богиня Йогамайя, иллюзорная сила, космическая энергия самого Господа. Её тело, сотканное из света и молний, занимало теперь весь проём темницы. Она громко рассмеялась, и от её смеха содрогнулись горы.

— Глупец! — голос её гремел, как тысяча громов. — Зачем ты пытаешься убить меня? Твой враг не здесь. Твой враг уже родился в Гокуле и ждёт своего часа. Ты убивал невинных младенцев, думая, что перехитрил судьбу. Но судьбу нельзя обмануть. Восьмой сын Деваки жив! И он растёт. Он придёт к тебе во всеоружии, и ты падёшь от его руки, как падает дерево, подрубленное под корень. Я, Йогамайя, предрекаю тебе это. Твоя смерть близка, Канса. Наслаждайся оставшимися днями!

С этими словами богиня поднялась в воздух, пробила каменный свод темницы и исчезла в небесах, оставив после себя лишь запах серы и сгоревшего пепла.

Канса стоял, вжавшись спиной в стену. Его колени дрожали. Впервые в жизни он испытал настоящий, животный ужас. Он понял, что недооценил противника. Он понял, что небеса против него.

— Гокула! — зарычал он, придя в себя. — Значит, он в Гокуле. Я отравлю каждый колодец, я сожгу каждый дом! Я найду этого проклятого младенца и сотру его в пыль! Клянусь всеми демонами ада, я перебую всех детей в этом мире, но найду его!

Он выбежал из темницы, отдавая приказы, созывая войска. Но в его сердце уже поселился червячок сомнения. Если богиня смогла так легко обмануть его, то, может быть, пророчество всё-таки сбудется?

А тем временем в далёкой Гокуле наступало утро. Яшода проснулась и подошла к колыбели. Она откинула покрывало и увидела мальчика. Она удивилась, ведь всего несколько часов назад она родила девочку, но в счастливой суете и усталости она решила, что просто перепутала. Она подхватила малыша на руки, и он улыбнулся ей такой улыбкой, от которой расцвели цветы в саду, а птицы запели громче. Материнское сердце переполнилось безграничной любовью.

— Это мой сын, — прошептала она. — Кришна. Мой маленький Кришна.

Так в мир пришёл тот, кому суждено было изменить ход истории. Так свершилось величайшее чудо, о котором слагали легенды. И пока Канса в бешенстве метался по своему дворцу, в далёком селении тихо смеялся младенец, в котором билась сила Вселенной.

А река Джамна всё так же текла, храня тайну перехода. И звёзды всё так же сияли, предвещая грядущую великую битву Добра и Зла.

Маленький озорник

Часть первая, в которой масло тает быстрее, чем его успевают спрятать

В деревне Вриндаван, что утопает в зелени священных лесов и омывается прохладными водами Ямуны, не было ни одного дома, где бы не знали о маленьком Кришне. Он был сыном Нанды и Яшоды, но казалось, что вся деревня — его семья, а все коровы — его подруги. Кришна был подобен утреннему ветерку: его невозможно было поймать, но невозможно было и не заметить. Его кожа имела цвет дождевой тучи, а глаза сияли ярче звёзд, которые зажигаются на небе в сумерки.

С самого утра, едва золотой диск солнца касался верхушек деревьев тамалы, наступало время великого противостояния — между маленьким Кришной и огромным глиняным кувшином, где хранилось свежее масло, сбитое матушкой Яшодой. Масло во Вриндаване было особенным: оно хранило в себе аромат утренних трав, тепло коровьих боков и нежность заботливых рук пастушек. Но для Кришны оно было чем-то большим, чем просто еда. Это была игра.

— Кришна! — разносился звонкий голос Яшоды по всему двору. — Опять ты забрался на кухню!

Но Кришна, услышав шаги матери, уже юркнул в угол, прикрыв рот ладошкой, чтобы не рассмеяться. Он ловко, как обезьянка, взобрался на деревянный столб, поддерживающий навес, и замер. В его руках был маленький горшочек, доверху наполненный густым, золотистым маслом. Кришна макнул в него палец, потом второй, а затем и всю ладошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.